

- ¹⁴ Cohen I. S. Congressional Attitude Towards the Soviet Union, 1917 – 1941. – P. 77.
- ¹⁵ The Gallup Poll. Public Opinion. – Vol. I (1935 – 1948). – P. 9.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Семиряга М. И. Указ. соч. – С. 186.
- ¹⁸ Finland and World War II/ Ed. by J. H. Wuorinen. – N. Y., 1948. – P. 68.
- ¹⁹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. – Л., 1989. – С. 107–108.
- ²⁰ Cohen I. S. Congressional Attitude Towards the Soviet Union, 1917 – 1941. – P. 79.
- ²¹ Levering R. B. American Opinion and Russian Alliance, 1933 – 1945. – P. 33.
- ²² Manning D. J. Soviet-American Relations, 1929 – 1941: The Impact of Domestic Considerations on Foreign Policy Decision-making. – Michigan State University. 1978. – P. 347.
- ²³ Time. – 1940. June 10. – P. 36.
- ²⁴ Desmond R. W. Crisis and Conflict: World News Reporting Between Two Wars, 1920 – 1940. Iowa, 1982. – P. 33–34.
- ²⁵ Warren F. Liberals and Communism. The «Red Decade» Revisited. – P. 193–194.
- ²⁶ Filene P. G. American Views on Soviet Russia, 1917 – 1965. – P. 137.
- ²⁷ Kennell R. E. Theodore Driser and Soviet Union, 1927 – 1945. – N. Y., 1969. – P. 280.
- ²⁸ Из истории международной солидарности. Документы и материалы. Солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938 – 1945). – М., 1962. – С. 223–224.
- ²⁹ Кислова А. А. Социальное христианство в США: Из истории общественной мысли 90-е годы XIX–30-е годы XX в. – М., 1974. – С. 146.
- ³⁰ Roy R. L. Communism and Churches. – N. Y., 1960. – P. 150.
- ³¹ Daily Worker. 1939. December 2.
- ³² Daily Worker. 1939. December 16.
- ³³ Daily Worker. 1939. December 23.

С. О. Шаляпин

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНАСТЫРСКИХ ТЕМНИЦ

Вопрос о режиме монастырской ссылки и устройстве средневековых темниц в русских монастырях давно приобрел в исторической и историко-правовой науке легендарный характер. На протяжении последних полугоря столетий как публицистическая, так и исследовательская литература изобиловали описаниями страшных «земляных тюрем». Авторитетные ученые тиражировали непроверенную информацию о том, что жуткие земляные ямы монастырей являлись чуть ли не главным пенитенциарным изобретением отечественного средневековья¹. Однако сравнительный анализ передаваемой в монографических исследованиях информации показывает, что вся она происходит из одних и тех же источников, репрезентативность которых вызывает некоторые сомнения. Попробуем дать краткий анализ этой проблемы именно с точки зрения обширности и достоверности информации о монастырских земляных тюрьмах.

Одно из ранних упоминаний о земляной темнице относится к 1422 или 1425 г. В грамоте митрополита Фотия писал во Псков дословно сказано: «А что ми пишете, что и черницы от мужей жены постригают, а без игуменов, ино тех постригающих должно есть показнити заточением в монастыри в храмине или яме»². Описание этих ям до нас не дошло, в связи с чем исследователи XIX в. посчитали возможным предположить, что ямные тюрьмы, возникнув в XIV-XV вв. в неизменном виде просуществовали вплоть до секулярной эпохи. В подтверждение этого тезиса приводились известные обвинения кн. Курбского в адрес Ивана Грозного: «Егда на коих разгневается, тогда их силой в мнихи стрижет, и с женами и с малыми детками и в вечное предает заточение в монастырях твердых и в темных кельях, чиняще святыя места твердынями адскиими»³. Не менее красноречиво упоминают о земляных тюрьмах в Андроньевом монастыре и записки протопопа Аввакума: «на цепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя кланялся на цепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат и блох довольно...»⁴. В период активной борьбы с расколом в конце XVII в. московский служилый человек Желябужский сообщал, что в Троице-Сергиевом монастыре подземные застенки для заточения староверов располагались на воловьем дворе⁵. Однако, ни одно из известных описаний не позволяет нам утверждать, что в XVI-XVII вв. продолжали существовать именно ямные тюрьмы, описание которых в литературе приводится всякий раз, как только речь заходит о «земляных» темницах⁶. По нашему мнению, тюрьмы-ямы, как наиболее архаичный вид темницы, ушли в прошлое сразу после репрессивных эпох Опричнины и Смуты, оставив о себе только страшную память. «Земляная тюрьма» XVII и последующих столетий представляла собой уже нечто гораздо более подходящее под понятие места заключения. Примеры этого можно найти в архивах почти всех северных монастырей. Так, опись соловецких тюрем 1743 г. называет 5 самых тяжких мест заключения в монастыре (Корожная, Головленкова, две Никольских и Салтыкова тюрьмы) и множество обычных келий и чуланов при жилых помещениях, переоборудованных для содержания узников, не называя ни одного подземного помещения⁷. Тюрьмы Сийского, Николо-Корельского, Красногорского, Крестного и некоторых других монастырей размещались преимущественно в обычных кельях и храмовых подклетах. Можно назвать лишь отдельные случаи, когда по правительенному указу в обителях устраивалась особо крепкая, специальная тюрьма (например, в Николо-Корельском монастыре для ссыльного вице-президента Св. Синода Феодосия Яновского в 1725 г.), ремонтировалась монастырская ограда, производились переделки помещений для узников⁸ – все это мероприятия экстраординарные. Для вдоворения в северный монастырь обычного узника таких усилий не предпринимали, обходясь теми помещениями, которые имелись – хозяйственными, келейными и пр. Синодский указ 1742 г.⁹ предписывал ликвидировать в Соловецкой обители ямы для колодников, но при детальном рассмотрении страшных подземных темниц, о которых были наслышаны члены Св. Синода, в Соловецкой крепости обнаружено не было. В 1758 г. сенатские чиновники Василий Степанов и секунд-майор Иван Путимцев также не обнаружили в Соловецком монастыре земляных ям для колодников¹⁰. Предположение

Г. Г. Фруменкова о том, что соловецкие власти злонамеренно обманывали Сенат и Синод, скрывая существование страшных тюрем-ям, не находит разумного объяснения. Наоборот, ликвидация древних темниц, если бы такие имелись, сулила Соловецкому монастырю определенные государственные субсидии на приспособление новых помещений для содержания узников (в XVIII в. северные обители не испытывали недостатка в ссыльных). Легендарность подземных казематов косвенным образом может быть доказана на материалах дела соловецкого узника Ивана Буяновского: присланный в 1722 г. по именному указу Петра I именно в «земляную тюрьму», Буяновский в 1725 г. общался со ссыльными же греками Евфимием, Герасимом и Парфением, подговаривая последних крикнуть «слово и дело»; от греков, приходивших к тюрьме (подчеркнуто мной – С. Ш.), Буяновский получал милостыню¹¹. Без сомнения, подобное тесное общение ссыльных между собой было бы невозможно, находясь Буяновский действительно в покрытой деревянным щитом земляной яме. В монастырях Беломорья в XVII–XVIII вв. под «земляной тюрьмой» определено подразумевалась не яма, а каменный каземат в подклете храма или иного монастырского здания, в котором не был настлан деревянный пол. Такой вид земляной темницы серьезно корректирует наше восприятие монастырской пенитенциарной практики, лишая ее ауры наиболее жестокого наказания.

Реально проблема устройства средневековых монастырских темниц стала интересовать ученых XIX столетия, осматривавших монастырские казематы в период, когда память об их использовании не совсем еще стерлась из памяти монашествующих. Большая часть монастырей никогда не имела специальных тюремных помещений, приспособливая для этих целей жилые кельи, хозяйствственные помещения, чаще всего – храмовые подклеты. Однако обители, обнесенные каменными крепостными стенами, часто использовали именно нежилые помещения крепости для размещения ссыльных. Именно такие казематы в стенах и башнях сохранились, ввиду своей малопригодности для хозяйственных нужд, в неперестроенном виде вплоть до XIX в. и изучались несколькими поколениями исследователей. И. М. Снегирев осматривал в 20-х годах прошлого века каменные мешки Спасо-Прилуцкого Вологодского монастыря, «похожие на шкафы», использовавшиеся, по мнению исследователя, еще со времен Ивана Грозного¹². В 40-х годах XIX в. известный публицист и издатель Петр Бартенев изучал остатки древнейшей соловецкой тюрьмы в Корожной башне, оставив небезынтересное описание увиденного: «Башня эта в несколько этажей; в каждом, в середине, большая круглая комната под сводами, и в стене кругом небольшие дверные отверстия, в которые едва человек пролезть может; ими входят в каморки, большую часть темные; иные из них очень тесны. Там сидели заключенные; в некоторых каморках видны следы камелька. Монахи рассказывают предания, что будто иных узников морили дымом, других замуровывали живых в стену; но я тщательно осматривал стены и дверные отверстия и нигде не видел следов замуровки. В нижнем этаже был застенок; сохранился еще крюк в своде, в котором вероятно висел блок для подъема на дыбу осужденного. Ходя по ярусам башни, невольно вспоминал я ярусы Дантовского ада»¹³. Весьма показателен факт скептического отношения исследователя к легендам о замуровывании узников обители, при всем его эмоциональном неприятии самой монастыр-

ской тюрьмы, сравниваемой с кругами ада. Во многом распространению легенд о существовании в обителях каких-то особенно мучительных подземных тюрем способствовали сами монашествующие, не вполне корректно оперировавшие юридическими понятиями при описании мест заточения ссыльных. Так, соловецкий архимандрит Макарий сообщал о той же сводчатой палате цокольного этажа Корожной башни, виденной Бартеневым, что именно в ней была «огромная престрашная, вовсе глухая подземная тюрьма»¹⁴. На самом же деле речь идет не о неких специально выкопанных для узников «ямах», а о приспособленных для тюремных целей внутренних арочных нишах – «печурах» и внутристенных «палатах» в цокольном (полуподземном) этаже башни. Похожие внутристенные казематы постройки XVII в. видел в Кирило-Белозерском монастыре Ф. А. Арсеньев, описавший и зарисовавший их: «Внутри некоторых больших башен до сих пор сохранились большие каменные столбы, простирающиеся от низу доверху и разделенные на несколько отделений. К каждому отделению ведет особый ход. Внутри этих столбов сырость, теснота и мрак; в маленькое отверстие вроде окна едва проникает сверху тонкая струйка света... Это те страшные каменные мешки, куда заключали преступников, изгнанников и пленных. В одной из башен сохранилось даже кольцо, к которому приковывались к стене заключенники»¹⁵. Из вышеупомянутых свидетельств видно, что все реально известные места заточения ссыльных в крупных монастырях-крепостях представляют собой внутренние помещения крепостных башен как цокольного, так и верхних ярусов. Тем не менее, вопрос об устройстве «подземных тюрем», никем достоверно не описанных, но упоминаемых в актах XVII–нач. XVIII вв., продолжает еще с прошлого столетия будоражить воображение исследователей. М. А. Колчин, честно признав, что осмотр пресловутых «подземных тюрем» в Соловецком монастыре был невозможен, тем не менее, привел на страницах своего исследования предположительное описание таких казематов: «это были вырыты в земле ямы, аршина три глубины; края у них были обложены кирпичем, крыша состояла из досок, на которые была насыпана земля. В крыше находилось небольшое отверстие, закрываемое дверью, запирающееся на замок, в которое опускали и поднимали узника, а равно подавали ему пищу»¹⁶ (ранее схожее описание подземных тюрем Соловецкого монастыря было дано С. В. Максимовым¹⁷). Подобное описание явно взято Максимовым и Колчиным не из актов Соловецкого архива, на которые они непременно сделал бы ссылку, если бы таковые имелись, а из широко известных в историко-юридической литературе материалов о «порубах» XVII в., в которых томились некоторые наиболее важные государственные преступники, как, например, Романовы в царствование Бориса Годунова или Аввакум в период своей пустозерской ссылки. Сам Колчин признает, что гидрологические условия Соловецкого острова не позволяют думать о выкапывании подобных ям нигде кроме Корожной башни, стоящей на возвышенном месте¹⁸. Между тем, термин «земляная тюрьма» исторические источники часто применяют к темницам, расположенным в храмовых подклетах и хозяйственных помещениях Соловецкого и других северных монастырей, где возведение описанной Колчиным ямы – «поруба» было совершенно невозможно. Проведенные нами наблюдения над терминологией указов о монастырской ссылке XVII–XVIII вв. позволяют утверждать, что под

«земляной тюрьмой» понималось, как правило, изолированное арестантское помещение цокольного этажа каменных зданий обители, лишенное пола, в котором арестант оставался на голой земле. Подземные «порубы», если и имели место в реальной монастырской пенитенциарной практике, то применялись в совершенно исключительных единичных случаях, а не составляли монастырского обычая, как это представлялось многим историкам монастырской ссылки (А. С. Пругавину, А. Д. Дмитреву, Е. Ф. Грекулову, М. Н. Гернету, Г. Г. Фруменкову и др.). Еще анонимный исследователь, опубликовавший в 1872 г. в Архангельских губернских ведомостях архивные материалы о закрытии в Соловках земляных тюрем по распоряжению Сената в 1758 г., пришел к выводу об ошибочности мнения о долговременном существовании в обителях выкопанных в земле тюремных ям¹⁹. Как показывали документы, даже Сенат елизаветинских времен стал жертвой неадекватной трактовки термина «земляные тюремы» в смысле их подземного расположения. Уже во второй половине XIX столетия соловецкие монахи, заинтересованные легендами о подземных казематах, по своей инициативе производили их раскопки, но совершенно безрезультатно. Следов искомых ям для колодников найдено не было, о чем один из монахов сообщил между прочим В. И. Немировичу-Данченко²⁰. Аналогичные натурные обследования мест содержания монастырских узников проводились в 20 – 30-е годы XX в. членами Соловецкого общества краеведения, действовавшего в Соловецком лагере (СЛОН)²¹. Результатом их явилось обнаружение не ям, а каменных мешков – казематов в Головленковой башне Соловецкой крепости.

Несмотря на наличие столь обширных материалов, свидетельствующих о легендарности подземных тюрем-ям в Соловецком и иных монастырях Севера, «страшная тайна» продолжает будоражить умы краеведов и историков. Еще совсем недавно экспедиция архангельских школьников под руководством московских археологов делала попытку «раскопок» средневековой тюрьмы на Соловках²². Подводя итог всему сказанному, стоит отметить, что историческое развитие пенитенциарной практики в России прошло несколько завершенных стадий, и научность попыток перенесения форм архаичных темниц раннего средневековья на эпоху XVII–XVIII вв. весьма сомнительна, если не сказать больше. Сама проблема устройства монастырских мест заключения требует дополнительного изучения ввиду того, что именно церковно-пенитенциарная практика оказала важное влияние на формирование светской доктрины наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения.- М., 1915.- С. 46; Гернет М. Н. История царской тюрьмы.- М., 1960.- Т. 1.- С. 266–292; Детков М. Г. Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России: Дис... докт. юрид. наук.- М., 1994.- С. 22.

² Памятники древне-русского канонического права.-Ч. 1/ Русская историческая библиотека.- Т. VI.- СПб., 1908.- Стб. 431.

³ Сказания князя Курбского.- СПб., 1868.- С. 340.

⁴ Жигис протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.- Архангельск, 1990.- С. 23–24.

⁵ Снегирев И. Русские в своих пословицах.- М., 1832.- Ч. 3.- С. 199.

- ⁶ Фрумсиков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря.- Архангельск, 1970.- С. 14-15.
- ⁷ РГИА, ф. 796, оп. 23, д. 54, л. 12-13.
- ⁸ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 158, л. 80.
- ⁹ Колчин М. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI-XIX вв. Исторический очерк.- М., 1908.-С. 12.
- ¹⁰ ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 3, д. 5435, л. 27-27 об.
- ¹¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 1152, л. 12.
- ¹² Снегирев И. Указ. соч.- Ч. 3.- С. 198.
- ¹³ П. Б. Русские пытки. Исторический очерк// Русский архив.- 1867.- № 7.- Стб. 1156-1157.
- ¹⁴ Макарий. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря.- М., 1825.-С. 45.
- ¹⁵ Арсеньев Ф. А. От Шексны до Кубенского озера (Путевые очерки).// Древняя и Новая Россия.-1878.-Т. 2.-С. 94.
- ¹⁶ Колчин М. Указ. соч.-С. 12.
- ¹⁷ Максимов С. В. Год на Севере.- Архангельск, 1984.-С. 155.
- ¹⁸ Колчин М. Указ. соч.-С. 12.
- ¹⁹ Были ли когда нибудь в Соловецком монастыре подземные тюрьмы или погреба для колодников?// Архангельские губернские ведомости.-1872.-№ 55.
- ²⁰ Немирович-Данченко В. И. Беломорье и Соловки. Воспоминания и рассказы.-Киев., 1892.-С. 262.
- ²¹ Дмитрев А. Д. Инквизиция в России.- М., 1937.- С. 82-83.
- ²² Тюрьму найдут школьники// Газета АТК.- № 30 (138).- 1 августа 1998.